

ЧИТАТЕЛЯМ «Сельской жизни» хорошо знакомо имя Сергея Крутилина. Его публицистические статьи, отрывки из книг не раз публиковались на страницах газеты. После выхода в свет романа «Грехи наши тяжкие» редакция получила целый ряд писем, авторы которых хотели бы подробнее узнать о жизни и творчестве С. А. Крутилина. Журналист И. Окунев встретился с писателем и попросил его ответить на эти письма.

— Сергей Андреевич! Начнем с вашего нового романа. Как он создавался, какие жизненные впечатления побуждали вас взяться за перо?

— Как вы, наверное, помните, мой первый роман «Липяги» был посвящен деревне. В нем мне хотелось заглянуть в прошлое и рассказать о проблемах села, стоявших в ту пору. Я вырос в деревне Делихове. Она вошла в мою плоть и кровь. «Липяги» были моей сердечной данью детству и юности, радостям и заботам земляков. Но прошли годы, и в повестку дня встали новые вопросы. «Грехи наши тяжкие» — фактически прямое продолжение «Липяг», хотя герои его совсем другие люди. Объединяющими для них являются идеи и авторские размышления о дальнейшем пути развития нечерноземной деревни, о стиле руководства сельским хозяйством на местах, о том, как воспитать у молодежи любовь к земле и сельскому труду. Написать эту книгу я считал своим гражданским долгом. Хочется думать, что вложенные в нее мысли и чувства разделяют все, кого по-настоящему заботит судьба русской деревни.

— «Грехи наши тяжкие» — широкое, многоплановое произведение об ответственности и долге каждого перед землей-кормилицей, о том, что нужно предпринять, чтобы наше сельское хозяйство поднялось на новую ступень. Поэтому кое-кого из читателей смущает его детективная линия...

— Роман действительно более остроумное произведение, чем те же «Липяги». Но отнюдь не намерение дать публике легкое чтivo руководило мной. Детектив помог мне вскрыть социальную ос-

нову заблуждений, а порой и ошибок в поведении некоторых моих героев, в общении, хороших людей. Таков, например, председатель колхоза «Рассвет» Тихон Иванович Варгин, фронтовик, человек, умеющий считать колхозную копейку, любящий землю, но именно на этом и «пойманный» проходимцем Косульниковым. Судебное де-

встречаться повседневно. Мне хотелось, чтобы читатель, будь то председатель колхоза или партийный руководитель, комбайнер или доярка, как бы ощутил себя в родной стихии, населенной такими же людьми, как он сам.

И то, что критики именуют публицистичностью моего романа, фактически его

лучил от нее письмо на 60 страницах. В нем были выношенные годами глубокие раздумья о сложных проблемах деревни, о стиле партийного руководства. Я уж не говорю о деталях и фактах, которыми она меня обогатила.

— Среди персонажей романа читателям, несомненно, приглянется и Тихон Иванович Варгин. Он тоже подсмотрен в жизни?

— Сегодня на передовую линию сельскохозяйственного фронта выходит новый тип колхозного руководителя. Это специалист высокого класса, с дипломом вуза, а то и с ученой степенью. И это прекрасно. Но мне, признаться, ближе и понятней руководители колхозов — мои сверстники. К ним относятся и Иван Никитич Кустов (ставший в романе Варгиным), нынешний директор совхоза «Рощинский», самого отдаленного от Тарусы. Бывший фронтовик, человек доведенной закалки, он сохраняет в себе ту горячность и романтику, которых порой недостает кое-кому из его молодых коллег, иногда нарочито деловых и слишком уж приземленных.

— Масштабное и чуткое понимание сложнейших проблем сегодняшней деревни свойственно многим героям вашего романа. Как бы вы сформулировали их гражданское и человеческое кредо?

— Чтобы ответить на этот вопрос, приведу слова Долгачевой: «Село — это наш грех тяжкий! — Она поступала ладно по краю стола. — И мы должны его искупить. Надо строить в селах современное жилье, новые фермы. Надо благоустроить быт. Тут сомнений быть не может».

Я целиком присоединяюсь к этим взволнованным словам моей героини. Она с предельной точностью выразила то, о чем говорилось на майском Пленуме ЦК КПСС: «Нет нужды доказывать, что чем энергичнее и основательнее будем мы заниматься жилищным, культурно-бытовым, дорожным строительством на селе, тем производительнее будет крестьянский труд...»

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

О ВРЕМЕНИ И О СЕЛЕ

ло, имевшее место в жизни, останется в архивах. На страницах книги оно должно прозвучать как предостережение и поучительный урок, что нельзя быть неразборчивым в стремлении любой ценой добыть лишний рубль для хозяйства.

Замечу, что после выхода в свет романа некоторые критики упрекали меня в излишней публицистичности, в том, что я отвожу слишком много места анализу колхозного производства, а не сосредоточиваю внимание на психологии героев. Но я воспринимаю этот укор как похвалу. Да, мне очень хотелось лишний раз воспеть заокские дали, наполненные поэзией Поленова и Паустовского, описать стремительный полет стрижей или скворчиный гомон, но я сознательно не позволял себе отвлекаться, уходил в сторону от главного. Мне важнее всего было выделить проблемы, обозначить людские характеры не столько необычными и своеобразными подробностями, сколько тем общим, что было бы узнаваемо, угадывалось у других людей сегодняшней деревни, с которыми читателю доводится

документальная основа. За эту основу, за наше реальное сегодняшнее Нечерноземье, я держусь в буквальном смысле, как Антей за землю. Боязнь погрешить против жизненной правды в угоду литературному эффекту никогда не покидает меня. За это я благодарен газетной школе, с которой начинал творческую деятельность.

— В таком случае, надо думать, что и главные персонажи ваших произведений имеют своих прототипов?

— Прототипы есть у подавляющего большинства моих героев. Так, учитель Серебровский, от имени которого ведется рассказ в «Липягах», — наш школьный математик А. М. Сардановский. Роман «Грехи наши тяжкие» в этом смысле не исключение. За его главной героиней — секретарем райкома партии Екатериной Алексеевной Долгачевой стоит вполне реальное лицо: кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Тимирязевки» Софья Семеновна Романова. Более того, я считаю ее в какой-то мере своим соавтором. Достаточно сказать, что во время работы над романом я однажды по-